

УДК 94 (510)

С. А. Шерстюков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ЭНВЕР-ПАША В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

Автор обращается к оценкам в исторических нарративах деятельности Энвер-паши в последний период его жизни, связанный с эмиграцией, попытками наладить сотрудничество с большевиками и переходом к противостоянию с ними в Туркестане. Показывая противоречия, существующие в описаниях деятельности и мотивов Энвер-паши, автор отмечает также присутствующие в литературе элементы авантюризации, романтизации и демонизации этой исторической фигуры.

Ключевые слова: нарративы, Энвер-паша, панисламизм, Туркестан, басмачи, большевики.

S.A. Sherstyukov

Altai State University (Barnaul, Russia)

ENVER-PASHA IN THE MIRROR OF HISTORICAL NARRATIVES

The article studies approaches of historical narratives to the activities of Enver-Pasha in the last period of his life associated with emigration, attempts to establish cooperation with the Bolsheviks and proceeding to the confrontation with them in Turkestan. The paper shows contradictions in the historical narratives about Enver-Pasha as well as elements of aventurization, romanticization and demonization of this historical figure in the references.

Key words: narratives, Enver-Pasha, Pan-Islamism, Turkestan, Basmachi, Bolsheviks.

Споры об Энвер-паше (1881–1922) – государственном деятеле и военачальнике Османской империи, самом ярком представителе младотурецкого триумvirата, начавшиеся при его жизни, получили новый импульс после гибели в 1922 г. Склонный к неожиданным политическим ходам, эпатажу и громким заявлениям, он сам начал создавать миф о себе.

Историческую фигуру Энвера-политика трудно отделить от того образа, а вернее образов, которые возникли в разных нарративах о нем. После смерти он быстро становится символом, для одних – османской элиты, втянувшей Османскую империю в Первую мировую войну, приведшую к ее крушению, для других – преступлений, связанных с депортацией и массовыми убийствами армян, греков, ассирийцев в Османской империи в годы Первой мировой войны, для третьих – символом непримиримого борца за Турцию (за идеи пантюркизма) и за ислам. Не только жизненный и политический путь Энвера повлиял на идеологизацию и мифологизацию этой противоречивой фигуры, но и место и обстоятельства его смерти.

Энверу посвящен большой пласт литературы – и научной, и публицистической. Одна из важных и, по замечанию турецкого историка Йылмаза Шухназа, одна из самых неоднозначных фигур в истории Турции [1, р. 40], он значим – в силу разных причин – для национальных историографий соседних с Турцией балканских и арабских государств, возникновение которых стало прямым следствием кризиса и распада Османской империи.

Энвер, будучи активным сторонником союза с Германской империей, оставил заметный след в истории германо-турецких отношений – это одна из причин традиционно высокого интереса к нему в немецкой историографии. Не нуждается в подтверждении тезис о важности этой фигуры для советской и российской историографии. Впрочем, не менее, если не более, значимое место он занимает в историографиях постсоветских государств – в особенности государств Закавказья и Центральной Азии, которые должны были вписать личность Энвера в собственные концепции национальных историй.

События первой четверти XX в. стали переломными для всех упомянутых государств. Германия, Турция и Россия переживают крушение прежней имперской государственной конструкции и сложный процесс формирования государственности (и обществ) на новых началах, в это же время происходят столкновения различных национальных и культурных проектов на периферии распавшихся империй, местные элиты которых получили шанс на создание (восстановление) собственной государственности. Основы не только государств, но и наций в более или менее современном виде конструируются именно в это время. Поэтому размышления об Энвер-паше в различных национальных нарративах, – это не только размышления об этой конкретной исторической фигуре, но и, в сущности, проблема выработки отношения к наиболее важным и болезненным вопросам национальной истории, затрагивающим национальную память и национальную идентичность.

Те, кто обращался к изучению Энвер-паши, должны были определять линию отношения к Османской империи и кемалистской Турции, к Германской империи и Веймарской республике, к Российской империи, большевизму и Советской России, пантюркизму и панисламизму, басмачеству и политическим движениям в Туркестане в целом.

Даже завершающий, эмигрантский период его жизни, связанный с Берлином и Москвой и попытками выработать тактический союз с большевиками, поездкой в Бухару и участием в басмаческом движении порождает много вопросов, на которые в литературе о нем отвечали по-разному: почему он оказался сначала в Москве, а потом в Туркестане? Какие цели преследовал? Как оценивать его участие в басмаческом движении и какую роль он сыграл в истории Туркестана? Что означала деятельность Энвера в Туркестане с точки зрения оценки идеологий пантюркизма и панисламизма – демонстрацию их потенциала и новых возможностей или проявление очевидной слабости и неспособности стать мобилизующей силой?

В рамках данной статьи я хотел бы показать, хотя бы контурно, некоторые подходы

к заключительному периоду жизни Энвера в различных нарративах.

Прежде чем обратиться к оценкам сотрудничества Энвера с большевиками (и его противодействия большевикам), я кратко опишу хронологию основных событий, предшествующих приезду Энвера в Москву и последовавших за этим приездом.

После подписания 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия, зафиксировавшего поражение Османской империи в войне, участники триумвирата – Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша покидают страну и на немецкой подводной лодке добираются до Евпатории (по другой версии – до Одессы). Вскоре все трое прибывают в Германию. В этой стране младотурецкие лидеры завязывают контакты с видным большевиком, одним из руководителей Коминтерна Карлом Радеком, которого посещают в берлинской тюрьме. Осенью 1919 г. Джемаль оказывается в Москве, весной 1920 г. в Москву, после нескольких неудачных попыток, прибыл и Энвер. В Москве Энвер встречается с большевистскими лидерами, в том числе с В.И. Лениным, Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым, Г.В. Чичериным [2, с. 48]. В сентябре 1920 г. Энвер принимает участие в проходившем в Баку I конгрессе народов Востока, на котором по инициативе проводивших его членов руководства Коминтерна был провозглашен лозунг «красной священной войны» против «мирового империализма» [3, с. 14]. 4 октября 1921 г. Энвер прибыл в Бухару и вскоре присоединяется к басмаческому движению, став одним из его руководителей. 4 августа 1922 г. Энвер-паша погиб в столкновении с отрядом красноармейцев в районе Бальджуана в Восточной Бухаре.

Исследователи, пытавшиеся объяснить причины временного сближения Энвер-паши и большевиков, исходили из разных посылов – одни делали акцент на факторах – объективных и субъективных, подталкивавших его к этому сближению, другие, отдавая должное личному и политическому целеполаганию Энвера, считали, что он стал участником процессов, которые инициировались и направлялись более серьезными политическими игроками. Впрочем, между

этимися точками зрения нет непреодолимого противоречия.

Второй точки зрения придерживается, в частности, американский исследователь Азад Айше Рорлих, который довольно близко подходит к утверждению (не формулируя его, однако, прямо) о том, что Энвер в какой-то момент стал инструментом в руках Берлина и Москвы.

«В поисках помощи большевиков, – писал он, – чтобы исполнить свою мечту пантуранского объединения всех тюркских народов, Энвер стал участвовать в секретной «челночной дипломатии» между Москвой и Берлином. Он ничего не получил для продвижения его пантуранских планов, но он сыграл важную роль в налаживании связей между Берлином и Москвой, что в конечном счете способствовало началу экономической кооперации между Советской Россией и Германией» [4, р. 288].

Американский исследователь Луис Фишер, опубликовавший в 1930 г. статью об Энвере, объясняя причины сближения турецкого политика с Москвой, предположил, что он надеялся таким образом повторить путь Тамерлана, Александра Македонского и Наполеона. Он мечтал, писал Л. Фишер, восстановить с советской помощью королевство Тамерлана. «Он видел себя управителем областей китайского Туркестана, российского Туркестана, Казахстана и Афганистана. Затем, как Александр Великий, пройдя маршем через Хайберский перевал в Индию и нанеся смертельный удар по британцам, он стал бы Наполеоном Азии» (цит. по: [5, р. 24–25]). О существовании подобных масштабных замыслов у Энвера упоминали многие исследователи.

Почти все авторы, писавшие об Энвере, полагали, что объяснить поведение Энвера невозможно без учета присущего ему авантюризма. Надо сказать, что особенности личности и биографии Энвера давали повод для подобных оценок. Как заметила Патрия Али, кумирами Энвера были Наполеон и Фридрих Великий, друзья называли его Наполеончик, он говорил, что верит, как и его герои, что он станет избранником судьбы [5, р. 10].

Это свойство личности – авантюризм – наделялось в литературе о нем как отрицательными (в советской историографии), так и положительными коннотациями. В последнем случае к авантюризму добавлялся романтизм. Линию на большую или меньшую романтизацию Энвера можно обнаружить в работах некоторых и западных, и турецких авторов. Впрочем, столь же давней и устойчивой является другая тенденция в нарративах об Энвере, состоящая в демонизации этого человека и политика.

Идеализмом и авантюризмом Энвера некоторые авторы объясняли не только его сближение с большевиками, но и последующий разрыв и начавшееся противостояние с ними, как и сам приезд Энвера в Туркестан.

Эту точку зрения поддерживали, а в значительной мере и создавали люди, окружавшие Энвера либо встречавшиеся с ним. Так, Заки Валиди Тоган, башкирский националист, также приехавший в 1920 г. в Бухару и принявший активное участие в политической жизни Туркестана, встречавшийся с Энвером, оставил о нем следующие воспоминания: «В те дни я понял, что этот человек (*buzat*) был большим идеалистом, не способным считаться с жизнью и с реалиями, а также что он ничего не знал о каких-либо европейских или российских публикациях относительно географии и статистики Туркестана. Нет сомнений, что только в течение 23 дней, проведенных в Бухаре, этот человек принял решение о его дальнейшей деятельности в Туркестане» (цит. по: [6, p. 259]).

Упомянутый уже Рорбах, напротив, полагал, что Туркестан не был для Энвера *terra incognita*, что он появился там и возглавил антибольшевистскую борьбу не случайно и не спонтанно: «Его интерес к тюркским народам России был давним. Во всяком случае, война и коллапс империи стали катализаторами для ускорения туранских планов Энвера. Это предположение подтверждается сведениями о том, что Энвер занимался до начала войны сбором информации и изучением мусульман России и китайского Туркестана», – писал он [4, p. 292].

Ни один исследователь, изучавший биографию Энвера, не мог обойти стороной

вопрос о том, как соотносились в его мировоззрении и политической практике идеологии панисламизма и пантюркизма. Ответить на этот вопрос не просто еще и потому, что в литературе данные понятия трактуются неоднозначно.

К примеру, американский исследователь турецкого происхождения Х.В. Паксой высказал соображение о том, что пантюркизм не был созданием турок. «Как известно сегодня из источников, – писал он, – европейцам в XIX в. для поддержания баланса сил потребовалось это изобретение» [7, s. 21]. Он полагает, что европейские империи использовали «пантюркизм» для борьбы друг с другом, а также для оправдания их экспансии в Азию.

Таджикский историк Камолудин Абдуллаев пришел к выводу, что «для Энвера тюркизм, т.е. стремление сохранить и приумножить славу и величие османских турков было куда важнее эфемерной панисламистской и тюркской солидарности» [8, с. 230]. «По большому счету, – заключает он, – Энверу не было дела до «мусульманского мира». Всю свою жизнь он оставался турецким националистом, и его главной заботой было возвратиться в Турцию победителем» [8, с. 205]. Следовательно, К. Абдуллаев поддерживает идею о том, что пантюркизм, пантуранизм и панисламизм выступали для Энвера главным образом в качестве инструмента достижения его политических целей.

Другие исследователи, напротив, не видят никакого противоречия между приверженностью Энвера идеям пантюркизма (который, в таком случае, выступал не только в качестве средства, но и цели) и его заботой об интересах Турции. «Сам преданный идеалам пантюркизма, – пишет российский историк А.И. Пылев, – он (Энвер-паша. – С.Ш.) планировал, используя военные силы басмачей, пропаганду пантюркистских идей и возможную помощь находящегося в Афганистане Джемаль-паши, создание независимого Единого Тюркского государства, куда вошли бы Бухара, Хива и Туркестан (Советский и Китайский). В перспективе к данному государству должна была присоединиться и Турция» [9].

Естественно, исследователи обращали внимание на тот факт, что большевики и Энвер-паша временно сблизились именно на «исламском поле». Японский историк Ямаучи Масауки назвал свою фундаментальную работу о жизни Энвера в Советской России «Зеленый полумесяц под красной звездой. Энвер-паша в Советской России, 1919–1922» [10].

Имя Энвера было широко известно и популярно среди мусульман далеко за пределами Турции. Помимо личной харизмы и реноме военного героя, подпорченного, правда, после Сарыкамышского сражения, Энвер являлся зятем халифа и имел соответствующий титул (*Halifenin damadı*) [9], что, безусловно, добавляло ему популярности в глазах традиционно настроенных мусульман.

Большевистское руководство осознавало и учитывало этот факт в своей политике и в том момент, когда Энвер выступал в качестве союзника большевиков, и тогда, когда он стал их противником. Гибель Энвер-паши в бою с красноармейцами закрепила за ним образ героя, придав ему ореол мученичества. Общая могила Энвера и Давлатмандбия была превращена в мазар (мавзолей), куда приходили паломники для поклонения [8, с. 232–233].

В объяснениях гибели Энвера в части нарративов о нем присутствуют оба эти концепта – и героя, и мучника, помещенные, как правило, в исламский контекст. К примеру, турецкий историк Нермин Меменджиогу задавался вопросом: «...была ли смерть Энвера на поле боя, действительно, своего рода самоубийством, следствием невозможности возобновления карьеры в Турции и суровых реалий войны в Туркестане?» [6, р. 260]. Склоняясь к положительному ответу (и цитируя в подтверждение своей точки зрения как самого Энвера, так и воспоминания о нем), он полагал, что действия Энвер-паши в тот момент в решающей степени определялись установками ислама и связью с Османской династией. «В то время как есть что-то

от мусульманского предписания «или победитель или мученик» в его отношении к смерти, многие письма Энвера к его жене показывают значение, которое он придавал его брачной связи с Османской династией», – писал он [5, р. 261].

Существует еще один дискурсивный пласт, посвященный Энверу и связанный с фольклором, в частности с народной поэзией. В нем отразился образ Энвер-паши и его трансформация в сознании турок и других народов. Он заслуживает отдельного пристального изучения. Приведу в пример только три стихотворения, в которых упоминается Энвер-паша. Два из них связаны с Сарыкамышским сражением, которое нашло отклик, в том числе в народной поэзии турок:

«Дал приказ Энвер-паша.

С русскими мы вступили в войну.

Мы уступили русским.

Мы проиграли черной зимой» [11, с. 38].

И еще одно:

«Да здравствует мой султан!

Кровью испачканы, брови нахмурены.

Мы проиграли русским.

Виновник поражения – Энвер-паша» [11, с. 33].

Другое стихотворение – о гибели Энвер-паши, сохранилось в памяти таджиков Афганистана и Таджикистана [7, с. 233]. Его опубликовал в своей работе упомянутый уже таджикский историк К. Абдуллаев:

«Нет счета камням в Сангтуде,

Нет предела отваге Давлатмандба.

Энвер-пашу убили.

О, Владыка мира!

Вними моим речам!

Скорблю я о несчастной Бухаре,

Мстить за нее – мой священный долг» [7, с. 233].

В заключение отмечу, что изменения (или подвижки) в образе Энвер-паши в разных нарративах служат важными маркерами, показывающими направление эволюции как исторической политики, так и исторического сознания в Турции и в других государствах.

Библиографический список

1. Yılmaz Ş. An Ottoman Warrior Abroad: Enver-paşa as an Expatriate // *Middle Eastern Studies* 35. 1999. №4. Р. 40–69.

2. Вдовиченко Д.И. Энвер-паша // *Вопросы истории*. 1997. №8. С. 42–57.

3. Ислам и советское государство: (по ма-

териалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д.Ю. Арапова, Г.Г. Косача. М., 2010. Вып. 1.

4. Rorlich Azade-Ayse Fellow Travellers: Enver-pasha and the Bolshevik Government 1918–1920 // *Asian Affairs* 13. 1982. №3. P. 288–296.

5. Ali Patria R. Enver-pasha. His status in modern turkish history // *Egyptian Historical Review*. 1975. Vol. 22. P. 3–36.

6. Menemencioglu N. Enver-pasha in Turkestan, 1918–1922 // *Revue Internationale a' Historie Militaire*. 1988. №67. S. 253–261.

7. Paksoy H.B. *Turk Tarihi, Toplumlarin Mayasi, Uygarlik*. Izmir, 1997.

8. Абдулаев К.Н. От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX в. Душанбе, 2009.

9. Пылев А.И. Энвер-паша и среднеазиатское басмачество: различные интерпретации в исследовательской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1738>. 16.05.2016.

10. Yamauchi, Masayuki. *The Green Crescent under the Red Star: Enver-pasha in Soviet Russia, 1919–1922*. Tokyo, 1991.

11. Alptekin Ali Berat *Türk halk şiirinde Enver-paşa*. TÜBAR-XXVI. Güz, 2009. S. 29–44.

References

1. Yılmaz Ş. An Ottoman Warrior Abroad: Enver-paşa as an Expatriate. *Middle Eastern Studies* 35. 1999. №4. P. 40–69.

2. Vdovichenko D.I. Enver-pasha // *Voprosy istorii* [Questions of the history]. 1997. №8. S. 42–57.

3. Islam i sovetskoe gosudarstvo. Vyp. 1: (po materialam Vostochnogo otd. OGPU. 1926 g.) [Islam and the Soviet state. Vol. 1: (based on the materials of the Eastern department of All-Union State Political Administration (OGPU. 1926)) / vstup. st., sost. i komment. D.Yu. Arapova, G.G. Kosacha. M., 2010.

4. Rorlich Azade-Ayse Fellow Travellers: Enver-pasha and the Bolshevik Government 1918–1920. *Asian Affairs* 13, №3 (October 1982). P. 288–296.

5. Ali Patria R. Enver-pasha. His status in modern turkish history. *Egyptian Historical Review*, 1975. Vol. 22. P. 3–36.

6. Menemencioglu N. Enver-pasha in Turkestan, 1918–1922. *Revue Internationale a' Historie Militaire*. 1988. №67. S. 253–261.

7. Paksoy H.B. *Turk Tarihi, Toplumlarin Mayasi, Uygarlik*. Izmir, 1997.

8. Abdulaev K.N. Ot Sin'czyanya do Horasana. Iz istorii sredneaziatskoj eh migracii XX v. [From Xinjiang to Khorasan. From the history of the Central Asian emigration of the twentieth century]. Dushanbe, 2009.

9. Pylev A.I. Enver-pasha i sredneaziatskoe basmachestvo: razlichnye interpretacii v issledovatel'skoj literature [Enver-pasha and the Central Asian Basmachi: different interpretations in the research literature]. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1738>. 13.05.2016.

10. Yamauchi, Masayuki. *The Green Crescent under the Red Star: Enver-pasha in Soviet Russia, 1919–1922*. Tokyo, 1991.

11. Alptekin Ali Berat *Türk halk şiirinde Enver-paşa*. TÜBAR-XXVI. Güz, 2009. S. 29–44.